

«И ДВЕРЬ ОН ЗАПЕР НА ЦЕПОЧКУ ЛЕТ»

Умер Иосиф Бродский. Но не ушел из жизни Поэт, чьи гениальные и горькие строки - наша память, наследие, совесть

При этом, как вспоминают знавшие Бродского люди, он был в высшей степени обаятельным человеком. Покойный Сергей Довлатов говорил, что такие гении, как Бродский, окружены не только теми, кто относится к ним по-потребительски, но и другими - искренними поклонниками и последователями, в которых как бы отражается свет большой звезды. Кстати, Бродский любил составлять протекцию писателям и при этом, говорят, не всегда продвигал достойных: его забавляло, что он может сделать пишущему человеку имя, независимо от его достоинств...

Великий поэт, рассказывает Юрий Милославский, ревниво следил за тем, как его знает и оценивает мир, и делал все необходимое (выходя для этого из

своего затворничества), чтобы его слава не угасала. У него не было в жизни других увлечений, кроме поэзии, - он был только поэтом Иосифом Бродским. Правда, умел хорошо фотографировать и гордился этим.

Бродский начинал свой рабочий день очень рано - в 5-6 часов утра и работал до двух пополудни. Когда-то, в 1964-м, его приговорили к пяти годам ссылки по обвинению в «тунеядстве». А он доказывал на суде, что он не тунеядец: писать стихи - тяжелая работа. Он выполнял эту тяжелую работу до последнего дня своей жизни с полной отдачей сил. При этом силы не берег, себя не жалел: хотя болезнь сердца была у него с молодых лет, он не соблюдал никакого режима питания, всю

жизнь много курил... Он перенес две операции на сердце, и врачи говорили о необходимости третьей. Бродский боялся, не хотел, а врачи недостаточно настаивали. Он всегда говорил: «До зимы не доживу» или «До лета не доживу», а в глубине души не верил, что когда-либо умрет. Говорил и в этот раз, незадолго до смерти: «До лета не доживу» - и не дожил. «Тема смерти постоянно присутствовала в его творчестве», - говорит издатель Бродского Эллен-деа Проффер.

Родственники и близкие друзья с уважением относились к особому укладу жизни поэта. Когда приезжали в гости, останавливались не у него, а в гостинице или у друзей, чтобы не мешать, хотя сам он никогда не возражал против гостей. Даже тетка Бродского, приехавшая к нему из Ленинграда, остановилась у одного из знакомых, хотя не видела Иосифа много лет, со времени отъезда.

...Когда Иосиф Бродский приехал в Нью-Йорк (это было в 1972 году), эмигрантов из Советского Союза в Америке было мало, и уж совсем мало было ученых и творческой интеллигенции. Это сейчас не сосчитать профессоров, художников, музыкантов, писателей из республик бывшего СССР, а тогда все люди творческих профессий, оказавшиеся в одной чужой стране, тем более в одном чужом городе, знали друг друга: Иосиф Бродский, Михаил Шемякин, Эрнст Неизвестный, Сергей Довлатов...

«Сейчас, - говорит знавший Бродского с тех времен театральный режиссер Лев Шехтман, - живущие здесь «русские» разобщены - в эмигрантской прессе

ведется дискуссия на тему «А есть ли в Америке русскоязычная община?» В то время, когда приехал я (1978 год), дискуссий не было - было тесное общение, была взаимная помощь, без которой трудно было выжить в американском обществе».

Бродский, рассказывает Шехтман, однажды был у него дома и обратил внимание на компьютер. «Негодный инструмент для писателяского труда, - сказал он. - Слишком много подсказывает и упорядочивает, а в творческом процессе важна спонтанность». Сам он не чурался компьютерной техники, использовал компьютер в преподавательской работе, для поиска справочных данных, но поэзию писал только ручкой - «вечным пером».

У поэта были сложные отношения с Россией. Родина всегда была для него истинным источником вдохновения, но он не был там со времени эмиграции. В России жили его родители, тетки; в Санкт-Петербурге живет сын от первого брака - он приезжал в гости к отцу, но не наоборот. Родители умерли, так и не увидев сына. В прежние времена советские власти не пускали их в Америку, а высланного на чужбину сына-диссидента - в Россию. Бродский не мог этого простить. Недавно делавший телепередачу с ним кинорежиссер Арон Каневский рассказывает: Бродский знал, что человек, свидетельские показания которого отправили его в ссылку, живет, здоровствует, не наказан и не раскаивается. Его это угнетало.

«...Он умер в январе, в начале года», - писал Бродский в стихотворении «Памяти Т.С. Элиота». Писал, как будто о себе:

Он умер в январе, в начале года.
Под фонарем стоял мороз у входа.

Не успевала показать природа
Ему своих красот кордебалет.
От снега стекла становились
уже.

Под фонарем стоял глашатай
стужи.
На перекрестках замерзали
лужи.

И дверь он запер на цепочку лет.

Илья БАРАНИКАС,
соб. корр. «РВ».

Нью-Йорк.

Жизнь Иосифа Бродского за океаном едва ли соответствовала представлениям большинства о том, как должен жить человек его калибра - всемирно известный поэт, нобелевский лауреат, американский профессор.

Он всячески сторонился политики, но без основания считая ее универсально грязным делом - будь то в царстве коммунистической диктатуры или в цитадели западной демократии. Он активно избегал широкой известности как личность, полагая, что это прерогатива произведений, а не их автора, который волею Создателя был озарен Его искрой. У него было практически невозможно получить интервью - редкие коллеги-журналисты преодолевали заслон его затворничества. Один его домашний номер телефона знали немногие, другой - почти никто. Он умер так же, как жил, - уединенно, когда рядом с ним никого не было.

Бродский жил не в покоем на кремлевские дачи, обнесенном забором заповеднике с КПП у ворот (на таких «режимных территориях» располагаются дома многих богатых людей Америки). Он жил не в Беверли Хиллз и даже не на Лонг-Айленде. Большую часть своей американской жизни он провел там, где живут люди искусства - поэты, художники, артисты: эта часть Манхэттена называется Гринвич Виллидж. Там, на Мортон Стрит, Бродский снимал скромную квартиру. Вскоре после рождения дочери Анны-Александрис-Марии (ей сейчас два года) Бродские переехали в Бруклин Хайтс - неплохой, в общем-то, район города Нью-Йорка, но не более того. Двухэтажные каменные дома в викторианском стиле, в одном из которых жила семья поэта, составляют небольшой квартал, всего несколько улиц, тихих и зеленых. Но он со всех сторон окружен бурлящими, гораздо более шумными и грязными кварталами Бруклина. Рядом - Бруклинский мост, по другую сторону пролива - Нижний Манхэттен с небоскребами банков и страховых компаний и многолюдной суетой Чайнатауна, нью-йоркского «Китай-города».

«Иосиф начал свою жизнь в Америке с Мичигана, а не Нью-Йорка, - рассказала мне по те-

лефону из Калифорнии Эллен-деа Проффер - владелица издательства «Ардис», в котором вышли почти все книги Бродского, за исключением первых двух. - Мой покойный муж Карл, близкий друг Иосифа, встречал его в Вене, когда он туда прилетел в 1972 году. Муж преподавал в Мичиганском университете, он привел туда Иосифа за руку и дал ему первую работу в Америке. И жил он первое время у нас».

Впоследствии Иосиф Бродский преподавал в разных местах, но всегда одну дисциплину - сравнительное литературоведение. Последний период своей жизни он преподавал в Маунт Холиоке (штат Массачусетс), где у него был дом и где он также нашел последнее пристанище.

«Лучшим другом Иосифа Бродского всегда был Иосиф Бродский, - рассказывает хорошо знавший поэта Юрий Милославский - писатель и публицист, живущий в Нью-Йорке. - Это не значит, что у него не было друзей: перечень друзей можно было бы начать с «ахматовских сирот» (кроме Бродского, в их число входят Дмитрий Бобышев, Евгений Рейн, Анатолий Найман). Было много других, из которых немало перешло в разряд «брошенных». В Иосифе сочетались причудливым образом сентиментальность (часто его было легко растрогать) и ледяная, демоническая ирония по отношению к другим людям. Когда его отец, Александр Иванович Бродский, звонил из Ленинграда в Нью-Йорк Анатолию Найману и просил его наставить Иосифа «на путь истинный», тот спросил: «Как? Он же никого не слушает». На это отец Бродского ответил: «Ну, тебя-то он все-таки меньше других презирает».